

**ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
2023-2024 УЧЕБНЫЙ ГОД**

10 КЛАСС

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: аналитическое – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (максимальный балл – 70) и творческое задание (максимальный балл – 30). Время выполнения работы - 200 мин. Ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1.

Напишите целостный анализ рассказа писателя И. Бунина «Цифры». Вы можете опираться на вопросы или выбрать собственный путь анализа. Работа должна представлять собой связный, завершённый текст.

Опорные вопросы:

- 1. Почему повествование строится как повествование от первого лица? О чем размышляет повествователь?**
- 2. Что такое воспитание и есть ли «правильное» воспитание ребенка? Что можно и нужно противопоставить «правильному» воспитанию?**
- 3. Какова психология ребенка, с точки зрения автора?**

Максимальный балл - 70 баллов.

I

Мой дорогой, когда ты вырастешь, вспомнишь ли ты, как однажды зимним вечером ты вышел из детской в столовую, остановился на пороге, - это было после одной из наших ссор с тобой, - и, опустив глаза, сделал такое грустное личико?

Должен сказать тебе: ты большой шалун. Когда что-нибудь увлечет тебя, ты не знаешь удержу. Ты часто с раннего утра до поздней ночи не даешь покоя всему дому своим криком и беготней. Зато я и не знаю ничего трогательнее тебя, когда ты, наладившись своим буйством, притихнешь, побродишь по комнатам и, наконец, подойдешь и сиротливо прижмешься к моему плечу! Если же дело происходит после ссоры и если я в эту минуту скажу тебе хоть одно ласковое слово, то нельзя выразить, что ты тогда делаешь с моим сердцем! Как порывисто кидаешься ты целовать меня, как крепко обвиваешь руками мою шею, в избытке той беззаветной преданности, той страстной нежности, на которую способно только детство!

Но это была слишком крупная ссора.

Помнишь ли, что в этот вечер ты даже не решился близко подойти ко мне?

- Покойной ночи, дядечка, - тихо сказал ты мне и, поклонившись, шаркнул ножкой.

Конечно, ты хотел, после всех своих преступлений, показаться особенно деликатным, особенно приличным и кротким мальчиком. Нянька, передавая тебе единственный известный ей признак благовоспитанности, когда-то учила тебя: «Шаркни ножкой!» И вот ты, чтобы задобрить меня, вспомнил, что у тебя есть в запасе хорошие манеры. И я понял это - и поспешил ответить так, как будто между нами ничего не произошло, но все-таки очень сдержанно:

- Покойной ночи.

Но мог ли ты удовлетвориться таким миром? Да и лукавить ты не горазд еще. Перестрадав свое горе, твое сердце с новой страстью вернулось к той заветной мечте, которая так пленяла тебя весь этот день. И вечером, как только эта мечта опять овладела тобою, ты забыл и свою обиду, и свое самолюбие, и свое твердое решение всю жизнь ненавидеть меня. Ты помолчал, собрал силы и вдруг, торопясь и волнуясь, сказал мне:

- Дядечка, прости меня... Я больше не буду... И, пожалуйста, все-таки покажи мне цифры! Пожалуйста!

Можно ли было после этого медлить ответом? А я все-таки помедлил. Я, видишь ли, очень, очень умный дядя...

II

Ты в этот день проснулся с новой мыслью, с новой мечтой, которая захватила всю твою душу.

Только что открылись для тебя еще не изведенные радости: иметь свои собственные книжки с картинками, пенал, цветные карандаши - непременно цветные! - и выучиться читать, рисовать и писать цифры. И все это сразу, в один день, как можно скорее. Открыв утром глаза, ты тотчас же позвал меня в детскую и засыпал горячими просьбами: как можно скорее выписать тебе детский журнал, купить книг, карандашей, бумаги и немедленно приняться за цифры.

- Но сегодня царский день, все заперто, - соврал я, чтобы оттянуть дело до завтра или хоть до вечера: уж очень не хотелось мне идти в город.

Но ты замотал головою.

- Нет, нет, не царский! - закричал ты слишком тонким голосом, поднимая брови. - Вовсе не царский - я знаю.

- Да уверяю тебя, царский! - сказал я.

- А я знаю, что не царский! Ну, пожа-алуйста!

- Если ты будешь приставать, - сказал я строго и твердо то, что говорят в таких случаях все дяди, - если ты будешь приставать, так и совсем не куплю ничего.

Ты задумался.

- Ну, что ж делать! - сказал ты со вздохом. - Ну, царский, так царский. Ну, а цифры? Ведь можно же, - сказал ты, опять поднимая брови, но уже басом, рассудительно, ведь можно же в царский день показывать цифры?

- Нет, нельзя, - поспешно сказала бабушка. - Придет полицейский и арестует... И не приставай к дяде.

- Ну, это-то уж лишнее, - ответил я бабушке, - А просто мне не хочется сейчас. Вот завтра или вечером покажу.

- Нет, ты сейчас покажи!

- Сейчас не хочу. Сказал - завтра.

- Ну, во-от, - протянул ты. - Теперь говоришь - завтра, а потом скажешь - еще завтра. Нет, покажи сейчас!

Сердце тихо говорило мне, что я совершаю в эту минуту великий грех - лишаю тебя счастья, радости... Но тут пришло в голову мудрое правило: вредно, не полагается баловать детей.

И я твердо отрезал:

- Завтра. Раз сказано - завтра, значит, так и надо сделать,

- Ну, хорошо же, дядька! - пригрозил ты дерзко и весело. - Помни ты это себе!

И стал поспешно одеваться.

И как только оделся, как только пробормотал вслед за бабушкой: «Отче наш, иже еси на небеси...» - и проглотил чашку молока, - вихрем понесся в зал. А через минуту оттуда уже слышались грохот опрокидываемых стульев и удалые крики...

И весь день нельзя было унять тебя. И обедал ты наспех, рассеянно, болтая ногами, и все смотрел на меня блестящими странными глазами.

- Покажешь? - спрашивал ты иногда. - Непременно покажешь?

- Завтра непременно покажу, - отвечал я.

- Ах, как хорошо! - вскрикивал ты. - Дай бог поскорее, поскорее завтра!

Но радость, смешанная с нетерпением, волновала тебя все больше и больше. И вот, когда мы - бабушка, мама и я - сидели перед вечером за чаем, ты нашел еще один исход своему волнению.

III

Ты придумал отличную игру: подпрыгивать, бить изо всей силы ногами в пол и при этом так звонко вскрикивать, что у нас чуть не лопались барабанные перепонки.

- Перестань, Женя, - сказала мама.

- Перестань же, деточка, когда мама просит, сказала бабушка.

Но бабушки-то ты уж и совсем не боишься. Трах ногами в пол!

- Да перестань, - сказал я, досадливо морщась и пытаюсь продолжать разговор.

- Сам перестань! - звонко крикнул ты мне в ответ, с дерзким блеском в глазах и, подпрыгнув, еще сильнее ударил в пол и еще пронзительнее крикнул в такт.

Я пожал плечом и сделал вид, что больше не замечаю тебя.

Но вот тут-то и начинается история.

Я, говорю, сделал вид, что не замечаю тебя. Но сказать ли правду? Я не только не забыл о тебе после твоего дерзкого крика, но весь похолодел от внезапной ненависти к тебе. И уже должен был употребить усилия, чтобы делать вид, что не замечаю тебя, и продолжать разыгрывать роль спокойного и рассудительного.

Но и этим дело не кончилось.

Ты крикнул снова. Крикнул, совершенно позабыв о нас и весь отдавшись тому, что происходило в твоей переполненной жизнью душе, - крикнул таким звонким криком беспричинной, божественной радости, что сам господь бог улыбнулся бы при этом крике. Я же в бешенстве вскочил со стула.

- Перестань! - рявкнул я вдруг, неожиданно для самого себя, во все горло.

Какой черт окатил меня в эту минуту целым ушатом злобы? У меня помутилось сознание. И надо было видеть, как дрогнуло, как исказилось на мгновение твое лицо молнией ужаса!

- А! - звонко и растерянно крикнул ты еще раз.

И уже без всякой радости, а только для того, чтобы показать, что ты не испугался, криво и жалко ударил в пол каблуками.

А я - я кинулся к тебе, дернул тебя за руку, да так, что ты волчком перевернулся передо мною, крепко шлепнул тебя и, вытолкнув из комнаты, захлопнул дверь.

Вот тебе и цифры!

IV

От боли, от острого и внезапного оскорбления, так грубо ударившего тебя в сердце в один из самых радостных моментов твоего детства, ты, вылетевши за дверь, закатился таким страшным, таким пронзительным альтом, на какой не способен ни один певец в мире. И надолго, надолго замер... Затем набрал в легкие воздуха еще больше и поднял альт уже до невероятной высоты...

Затем паузы между верхней и нижней нотами стали сокращаться, - вопли потекли без умолку. К воплям прибавились рыдания, к рыданиям - крики о помощи. Сознание твое стало проясняться, и ты начал играть, с мучительным наслаждением играть роль умирающего.

- О-ой, больно! Ой, мамочка, умираю!

- Небось не умрешь, - холодно сказал я. - Покричишь, покричишь, да и смолкнешь.

Но ты не смолкал.

Разговор, конечно, оборвался. Мне было уже стыдно. У бабушки вдруг задрожали губы, брови, и, отвернувшись к окну, она стала быстро, быстро колотить чайной ложкой по столу.

- Ужасно испорченный ребенок! - сказала, нахмуриваясь и стараясь быть беспристрастной, мама и снова взялась за свое вязанье. - Ужасно избалован!

- Ой, бабушка! Ой, милая моя бабушка! - вопил ты диким голосом, взывая теперь к последнему прибежищу - к бабушке.

И бабушка едва сидела на месте.

Ее сердце рвалось в детскую, но, в угоду мне и маме, она крепилась, смотрела из-под дрожащих бровей на темневшую улицу и быстро стучала ложечкой по столу.

Понял тогда и ты, что мы решили не сдаваться, что никто не утолит твоей боли и обиды поцелуями, мольбами о прощении. Да и слез уже не хватало. Ты до изнеможения упился своими рыданиями, своим детским горем, с которым не сравнится, может быть, ни одно человеческое горе, по прекратить вопли сразу было невозможно, хотя бы из-за одного самолюбия.

Ясно было слышно: кричать тебе уже не хочется, голос охрип и срывается, слез нет. Но ты все кричал и кричал!

Было нелегко и мне. Хотелось встать с места, распахнуть дверь в детскую и сразу, каким-нибудь одним горячим слогом, пресечь твои страдания. Но разве это согласуется с правилами разумного воспитания и с достоинством справедливого, хотя и строгого дяди? Наконец ты затих...

V

- И мы тотчас помирились? - спрашиваешь ты.

Нет, я так выдержал характер. Я по крайней мере через полчаса после того, как ты затих, заглянул в детскую. И то так? Подошел к дверям, сделал серьезное лицо и растворил их с таким видом, точно у меня было какое-то дело. А ты в это время уже возвращался мало-помалу к обычной жизни.

Ты сидел на полу, изредка подергивался от глубоких прерывистых вздохов, обычных у детей после долгого плача, и с потемневшим от размазанных слез личиком забавлялся своими незатейливыми игрушками - пустыми коробочками от спичек, - расставляя их по полу, между раздвинутых ног, в каком-то, только тебе одному известном порядке.

Как ждалось мое сердце при виде этих коробочек!

Но, делая вид, что отношения наши прерваны, что я оскорблен тобою, я едва взглянул на тебя. Я внимательно и строго осмотрел подоконники, столы... И уже хотел выйти, как вдруг ты поднял голову и, глядя на меня злыми, полными презрения глазами, хрипло сказал:

- Теперь я никогда больше не буду любить тебя.

Потом подумал, хотел сказать еще что-то очень обидное, но запнулся, не нашелся и сказал первое, что пришло в голову:

- И никогда ничего не куплю тебе.

- Пожалуйста! - небрежно ответил я, пожимая плечом. - Пожалуйста! Я от такого дурного мальчика и не взял бы ничего.

- Даже и японскую копеечку, какую тогда подарил, назад возьму! - крикнул ты тонким, дрогнувшим голосом, делая последнюю попытку уязвить меня.

- А вот это уж и совсем нехорошо! - ответил я. - Дарить и потом отнимать! Впрочем, это твое дело.

Потом заходили к тебе мама и бабушка. И так же, как я, делали сначала вид, что вошли случайно... по делу... Затем качали головами и, стараясь не придавать своим словам значения, заводили речь о том, как это нехорошо, когда дети растут непослушными, дерзкими и добиваются того, что их никто не любит. А кончили тем, что советовали тебе пойти ко мне и попросить у меня прощения.

- А то дядя рассердится и уедет в Москву, - говорили бабушка грустным тоном, - И никогда больше не приедет к нам.

- И пускай не приедет! - отвечал ты едва слышно, все ниже опуская голову.

- Ну, я умру, - говорила бабушка еще печальнее, совсем не думая о том, к какому жестокому средству прибегает она, чтобы заставить тебя переломить свою гордость.

- И умирай, - отвечал ты сумрачным шепотом.

- Хорош! - сказал я, снова чувствуя приступ раздражения. - Хорош! - повторил я, поглядывая в окно на темную пустую улицу.

И, переждав, пока пожилая худая горничная, всегда молчаливая и печальная от сознания, что она - вдова машиниста, зажгла в столовой лампу, прибавил:

- Вот так мальчик!

- Да не обращай на него внимания, - сказала мама, заглядывая под матовый колпак лампы, не коптит ли. - Охота тебе разговаривать с такой злючкой!

И мы сделали вид, что совсем забыли о тебе.

VI

В детской огня еще не зажигали, и стекла ее окон казались теперь синими-синими. Зимний вечер стоял за ними, и в детской было сумрачно и грустно. Ты сидел на полу и передвигал коробочки. И эти коробочки мучили меня. Я встал и решил побродить по городу.

Но тут послышался шепот бабушки.

- Бесстыдник, бесстыдник! - зашептала она укоризненно. - Дядя тебя любит, возит тебе игрушки, гостинцы...

Я громко прервал:

- Бабушка, этого говорить не следует. Это лишнее. Тут дело не в гостинцах.

Но бабушка знала, что делает.

- Как же не в гостинцах? - ответила она. - Не дорог гостинец, а дорога память.

И, помолчав, ударила по самой чувствительной струне твоего сердца:

- А кто же купит ему теперь пенал, бумаги, книжку с картинками? Да что пенал! Пенал - туда-сюда. А цифры? Ведь уж этого не купишь ни за какие деньги. Впрочем, прибавила она, - делай, как знаешь. Сиди тут один в темноте.

И вышла из детской.

Кончено - самолюбие твое было сломлено! Ты был побежден.

Чем неосуществимее мечта, тем пленительнее, чем пленительнее, тем неосуществимее. Я уже знаю это.

С самых ранних дней моих я у нее во власти. Но я знаю и то, что, чем дороже мне моя мечта, тем менее надежд на достижение ее. И я уже давно в борьбе с нею. Я лукавлю: делаю вид, что я равнодушен. Но что мог сделать ты?

Счастье, счастье!

Ты открыл утром глаза, переполненный жаждою счастья. И с детской доверчивостью, с открытым сердцем кинулся к жизни: скорее, скорее!

Но жизнь ответила:

- Потерпи.

- Ну пожалуйста! - воскликнул ты страстно.

- Замолчи, иначе ничего не получишь!

- Ну погоди же! - крикнул ты злобно. И на время смолк.

Но сердце твое буйствовало. Ты бесновался, с грохотом валял стулья, бил ногами в пол, звонко вскрикивал от переполнявшей твое сердце радостной жажды... Тогда жизнь со всего размаха ударила тебя в сердце тупым ножом обиды. И ты закатился бешеным криком боли, призывом на помощь.

Но и тут не дрогнул ни один мускул на лице жизни... Смирись, смирись!

И ты смирился.

VII

Помнишь ли, как робко вышел ты из детской и что ты сказал мне?

- Дядечка! - сказал ты мне, обессиленный борьбой за счастье и все еще алкая его. - Дядечка, прости меня. И дай мне хоть каплю того счастья, жажда которого так сладко мучит меня.

Ни жизнь обидчива.

Она сделала притворно печальное лицо.

- Цифры! Я понимаю, что это счастье... Но ты не любишь дядю, огорчаешь его...

- Да нет, неправда, - люблю, очень люблю! - горячо воскликнул ты.

И жизнь наконец смиростивилась.

- Ну уж бог с тобою! Неси сюда к столу стул, давай карандаши, бумагу...

И какой радостью засияли твои глаза!

Как хлопотал ты! Как боялся рассердить меня, каким покорным, деликатным, осторожным в каждом своем движении старался ты быть! И как жадно ловил ты каждое мое слово!

Глубоко дыша от волнения, поминутно слюнявя огрызок карандаша, с каким старанием налегал ты на стол грудью и крутил головой, выводя таинственные, полные какого-то божественного значения черточки!

Теперь уже и я наслаждался твоею радостью, с нежностью обоняя запах твоих волос: детские волосы хорошо пахнут, - совсем как маленькие птички.

- Один... Два... Пять... - говорил ты, с трудом водя по бумаге.

- Да нет, не так. Один, два, три, четыре.

- Сейчас, сейчас, - говорил ты поспешно. - Я сначала: один, два...

И смущенно глядел на меня.

- Ну, три...

- Да, да, три! - подхватил ты радостно. - Я знаю. И выводил три, как большую прописную букву Е.

ЗАДАНИЕ 2.

Расположите на «линии времени» в каждом десятилетии первой половины 19 века: два литературных произведения, два произведения живописи, два исторических события, два события литературной жизни (появление нового кружка, журнала, критической статьи и пр.)

1800-1810, 1810-1820, 1820-1830, 1830-1840, 1840-1850.

Максимальный балл – 30 баллов.